

возможную ошибку переписчика. Значительно труднее объяснить путаницу начертаний знаков «з» и «ц», весьма далеких в графическом отношении в период, которым предположительно датируется утраченная рукопись «Слова».

Известные возражения вызывает и смысловая сторона дела. Из двух различных толкований первое более соответствует характеру образной системы «Слова», одна из специфических черт которой состоит в том, что употребление того или иного слова в качестве поэтического символа не снимает также конкретности и точности употребления его в прямом значении. Этот устойчивый прием приводит к тому, что большинство развернутых метафор «Слова», выражая то или иное отвлеченное понятие, одновременно дает в своем первичном значении весьма точную картину быта: военного, охотничьего и т. д. В данном случае, если принять первое толкование, одно слово, в первичном значении обозначая деталь вооружения («шлем»), соотносится с равнозначным по смысловому ряду термином («панцырь») (такое чтение хорошо объясняется и эпитетом «железный»), — а оба они вместе выступают во вторичном значении как символическое выражение мужества князей.

Однако подобное чтение встречает и затруднения. При характерной для автора «Слова» профессиональной точности в описании деталей воинского снаряжения остается непонятной натянутая формула «панцыри под шлемами». Это психологически объясняет не оправданное никакими иными соображениями стремление А. Югова ввести в текст «оплечья железные».

Второе чтение представляет еще большие трудности, поскольку выражение «железные паробци под шеломи латиньскими» дает смешение метафорического («железные паробци») и прямого («латиньские шеломи») словоупотребления и не создает выдержанного образа.

Указанные трудности, как нам кажется, отпадут, если принять другое чтение спорного слова. В памятниках встречается слово «павороза», объясняемое И. И. Срезневским как «привязка, петля для привязывания предмета к руке»: «Бе бо у него топор с паворозоу в руце» (Сузд. л. 6724 — по Академическому списку).⁵ И. И. Срезневский дает также и неполногласную форму — «павраз», поясняя, что она «жива и доселе в западнославянских наречиях, не только северных, но и южных: в хорутанском со значением „веревка“, в хорватском со значением „веревочной или проволоочной рукоятки у сосуда“». В значении «веревка», «завязка» это слово известно в польском языке (rowiódz). С этим, вероятно, связана встречающаяся в памятниках форма «поворуза».⁶

Однако памятники дают и другое, весьма интересное для нас значение этого слова — «тесемка при головном уборе»: «Пропало у него Сенки три нашивки женских красных да паворозы от головодца».⁷ Если вспомнить начертание квадратного «В» в полуставе, то факт случайной замены его буквой «п» не вызовет никакого удивления. Получившееся таким образом начертание «паворозы» утратило смысл, и пропуск в дальнейшем одного «о» в непонятном слове представляется возможным.

⁵ Срезневский, Материалы, т II, стлб 856

⁶ Там же, стлб. 1003.

⁷ Кунгурские акты XVII в Изд А Г Кузнецова. СПб., 1888, стр. 10. Пример заимствован из картотеки словаря древнерусского языка Института языкознания АН СССР.